

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Изменница поневоле
С первого взгляда	Закон сильной женщины
Второй подарок судьбы	Без вины преступница
Зеленые глаза викинга	Пленная птица счастья
Тайна, приносящая смерть	Ничего личного, кроме боли
Цвет мести – алый	Заговор обреченных
Не доставайся никому!	Узнай меня
Чужая жена – потемки	Заповедник потерянных душ
Возвращаться – плохая примета	Ангел мщения
Врачебная тайна	Первый шаг к пропасти
Призрак другой женщины	Вкус запретного плода
Тайну хранит звезда	Исповедь обманутой жены
Семь лепестков зла	Свидетельницы зла
Свидание на небесах	Королева отшельников
Ведьма отмщения	Игры небожителей
Программа защиты любовниц	Грех с ароматом полыни
Кинжал в постели	Кукла-любовь
Гнев влюбленной женщины	Позови ее по имени
Лучший день в году	К северу от любви
Нирвана для чудовища	Пепел прошлого
Незнакомка с тысячью лиц	Без крестной феи
Последнее прибежище негодяя	Псевдоним украденной жизни
Счастье с третьей попытки	Цена откровения
Подвенечный саван	Конец игры с продолжением
Заключение счастья	Шоу семейных секретов
Торговка счастьем	В интересах личного дела
Амур с оптической винтовкой	Правда персонального формата
Мсть Спящей красавицы	Простить нельзя помиловать
Демон ревности	Лабиринт простых сложностей
Преступно счастливая	Теория вероятного чуда

ГАЛИНА РОМАНОВА

**КРАСОТКА
ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Красотка печального образа : роман /
Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2023. —
320 с.

ISBN 978-5-04-181269-0

Все неприятности Александры начались в тот день, когда она узнала, что ненаглядный Ромочка изменяет ей с лучшей подругой Катькой. Она находит место, где уединилась сладкая парочка, и... обнаруживает своего любимого мертвым! В ужасе Шура бежит со старой дачи, где остался труп, море крови и ее многочисленные следы. Однако вечером Рома появился... живой и невредимый. Правда, на вопросы отвечать отказался, а утром ушел навсегда. Естественно, с новой пассией Катькой. Зато появилась милиция — с подозрениями и обвинениями Александры еще в нескольких странных убийствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-181269-0

ГЛАВА I

Жасминовые заросли плотным кольцом окружили клумбу, и кто конкретно там сейчас разговаривал, Александре не было видно.

— Нин, помнишь, Танька вчера про огурцы говорила? Какой-то рецепт новый. Нет, не помнишь? — спросил женский голос, и в прорехе между плотной листвой мелькнул край оранжевой жилетки.

Все стало понятно.

Работников жэка загнали на городские клумбы пропалывать совершенно зачахшую под взбесившимся июльским солнцем растительность. Унылые головки ярко-красных цветов робко жались к настырной траве, в поисках скудной тени, но и тут им не везло. Траву ловко щипали шустрые пальцы, обтянутые резиновыми перчатками.

— Нет, не помню! — меланхолично отозвалась другая женщина, и живая жасминовая изгородь заметно содрогнулась — оперлась она на нее спиной, что ли. — А что за рецепт? Что-нибудь интересное?

— Да вот и не помню! — с заметным сожалением отозвалась первая. — Говорит, вкусные очень. Соли полторы ложки на литр воды, сахара, кажется, две... Нет, болтать не стану, а то наговорю...

Александра вздохнула.

У людей все как положено. Все размеренно. Огурцы солятся впрок. Клумбы пропалываются без усилий и сожаления о том, что жизнь — настоящая жизнь — проходит мимо. А у нее...

А у нее все не по-человечески. Все не по-людски, как сказала бы бабушка, окажись она рядом. Бабушки рядом давно не было. Жить по-людски без ее мудрых советов абсолютно не получалось. И главное, рецепта — того самого рецепта простого человеческого счастья — Александра не знала.

Может, стоило продраться сквозь жасмин, а? Сесть вместе с тетками в оранжевых жилетках, послушать про огурцы сначала, потом еще про что-нибудь, а там, глядишь, и про жизнь. Они ведь наверняка мудрые. Наверняка пожившие и лиха хлебнувшие, что-нибудь да знают за жизнь-то. Хотя...

Хотя, как оказалось, хлебай не хлебай этого самого лиха, узнать все, вернее, предугадать все, то есть предостеречь себя ну никак не получается. Куда она ни шагнет, на каждом метре грабли. Ну, на каждом же!!! И она наступает и наступает на них, наступает и наступает. Беда просто!

— А она когда заступает, Танька-то? — не унилась одна из женщин. — Рецепт надо бы спросить. У меня огурцов тьма-тьмущая. Своим говорю: жрите огурцы!

— А они?

— Ага! Как же! Станут они их есть без колбасы да мяса. Набаловались все. Кобелицу своему тоже сую каждый раз на смену, а он их из пакета вытаскивает. Кому выращивала, спрашивается?..

— Салат делай. В салате они скоро расходуются, — посоветовала ей товарка.

— Дык делаю! А толку?! Пропадают огурцы-

то... Нет, рецепт обязательно нужен. Дождаться бы Таньку...

Александра снова вздохнула и покосилась на клумбу с легкой завистью.

Вот бы ей кого-нибудь дождаться, чтобы рецептом разжиться, а! Только не рецептом засолки огурцов, а каким-нибудь посущественнее. К примеру, как поумнеть, не напрягаясь, к двадцати трем годам? А они ведь не за горами, они через полгода, ее двадцать три года. Или, допустим, как не позволять некоторым человеческим индивидуумам собой манипулировать? Или, скажем, как вдруг стать такой счастливой, чтобы улыбаться хотелось без причины?

— Смех без причины — признак дурачины. — потюкал неделю назад ее отец, когда она неосторожно обронила эту свою мечтательную мыслишку вслух. — Дело должно быть у каждого! Нормальное дело, приносящее удовлетворение, а ты все ищешь себя, все ищешь! Так ведь можно всю жизнь в поисках промыкаться. Избаловала тебя бабка на наши родительские головы...

Александра не возражала. Может, и избаловала. Может, и еще чего. Она вот лично не знала, как называется то состояние блаженного покоя, в котором она прожила за бабушкиной спиной все свое детство, отрочество и часть юности. Было ли то баловством или нет, спорить не бралась. Но то, что, как только бабушки не стало, Александра осиротела, — это была абсолютная и бесспорная правда.

— Господи! И когда только этот дурацкий кустарник уже выкорчуют?! — посетовали за жасминовой стеной. — Надоед, спасу нет. Просто как

бельмо на глазу! Тоже мне, благоустроители! Тро-туары мостят, а старье вырубать не собираются!..

Александра недобро глянула в сторону пропа-лываемой клумбы.

Ну как можно так рассуждать, как можно от не-го избавляться!!!

Жасмин здесь рос всегда. Это такая же город-ская достопримечательность, как памятник Ленину на городской площади, как дом купца Струганова, в котором уже лет тридцать прозябала местная типо-графия, как пепелище, оставшееся после сгоревше-го районного Дома культуры, в конце концов!

Жасмин, он же рос здесь всегда, кажется. Во всяком случае, последние пятнадцать лет Алексан-дра его точно помнит. Она ведь бегала мимо него в школу. Воспоминания о начальных классах, правда, были весьма смутными, но потом-то!..

Про потом все-все помнит, будто это было вче-ра. И как прятались в этих зарослях от мужающих год за годом одноклассников. И как потом назнача-ла возле этой заросшей жасмином клумбы свидан-ия. И как знакомые девчонки, обкурившись «Пега-сом», зажевывали табачный дух жасминовыми ли-стьями, дающими странный огуречный аромат.

Опять про огурцы! Вот ведь тему подбросили тетки с самого утра. Хотя тему подбросили ей уже до теток, и совершенно не огурцов она касалась.

Вспомнив, Александра тяжело вздохнула в тре-тий раз.

Какая же она несчастливая! Нет, ну какая же все-таки она несчастливая!!! Почему, интересно, подобная дрянь должна была случиться именно с ней, именно в этом крохотном городе, где все у всех

на виду, и именно в то самое время, когда, казалось бы, ничто не предвещало. Почему, а?!

Ресницы Александры, забытые сегодняшним утром и не накрашенные, мелко-мелко затрепетали за темными стеклами солнцезащитных очков, пытаясь справиться с очередным приливом слез. Не разреветься бы снова. Глаза-то не красила, а вот над лицом потрудилась. Тоником протерла, солнцезащитный крем нанесла, пудрой приложила. И как-то даже смогла себе немного понравиться, когда очками покрасневшие глаза прикрыла.

Нет, реветь нельзя. Лицо делается дурным и непривлекательным. Нос...

Ох уж этот нос! Ох уж эта курносистая ее проблема! Попробуй тут разревься с таким-то носом, попробуй поглотай красиво слезы, глядя с укоризной и тоской, тут же расплывется картошкой на пол-лица.

Она не станет плакать. Она выдержит все с поразительной стойкостью. И постарается быть циничной и снисходительной, глядя в глаза этим...

Фу, чушь какая! Она же не сможет, это же ясно как божий день. С чего бы ей тогда стоять сейчас на автобусной остановке и дожидаться пригородного автобуса, а? Зачем было подниматься ни свет ни заря, собираться в экстренном порядке, будто по радио только что объявили всеобщую эвакуацию? С чего, зачем, для чего?! Для того чтобы в глаза посмотреть или на что-то еще?!

Александра попыталась подавить тяжелый вздох, а получилось почти со всхлипом. Надо же, как ей себя жалко! Глупо, банально, предсказуемо же все, а все равно жалко!

— Ты глупая, Санечка! — с удовольствием объ-

явили ей сегодняшним утром по телефону. — Глупая и наивная! Неужели ты думала, что сможешь противостоять Катерине?!

Она думала, да! Она мало того что думала, верила в это! Она же не такая, как Катька! Она же... Она же много порядочнее, много серьезнее, много вернее и вообще... она любить умеет так, как никто и никогда, кажется, не любил.

— Таким, как Катька, все эти добродетели до лампочки, Сань! — оборвали ее бессвязный, почти еще сонный лепет с безжалостной прямоотой. — Им они ни к чему, у них остальных достоинств в избытке. Вот твой Ромка и того...

Что того, Александра спросонья поняла не сразу. Мотала головой, терла глаза, пытаюсь рассмотреть почти в крошечной темноте спальни, который сейчас час. Шторы на окнах были гобеленовыми, оставшимися от бабули, света не пропускали совершенно никакого, понять, сколько времени, не представлялось возможности. Пришлось выкарабкиваться из-под перины, которой укрывалась всегда, даже летом. Идти в большую комнату и подслеповато таращиться на часы.

Было семь утра!

— Так что там у Катьки с Ромкой, я не поняла? — более твердым голосом спросила Саша, забираясь на диван возле окна, прижала плечом телефонную трубку к уху и потянула из стопки вчерашним вечером выглаженного белья большую махровую простыню. — Ты чего звонишь-то вообще, Ксюш?

С Ксюшей они одно время жили по соседству. Правильнее, та и сейчас жила по соседству — только с родителями Александры. Сама же Шурка вот

как уже с полгода переехала в старенький бабушкин дом.

Особой дружбы между ними не было, так, ничего не значащее для обеих знакомство. Это Александра так думала. Ксюша, как показало время, думала совершенно иначе. Она почему-то вдруг решила, что должна и имеет право раскрывать своей неправильной — с ее точки зрения — соседке глаза на правду.

Александра — по ее разумению — неправильно жила, неправильно вела себя со своими друзьями, неправильно строила отношения с мужчинами. И хотя мужчина в жизни Александры случился пока что только один, Ксюша каждодневно обобщала и говорила о нем исключительно во множественном числе. Вот и теперь...

— Я звоню тебе, Санечка, потому, что мне очень жаль, как поступают с тобой эти козлы, — объяснила она свое утреннее рвение. — Ведь если я правильно понимаю ситуацию, то у вас любовь, так?

— Ну... — Говорить с Ксюшей о своих чувствах в планы Александры не входило. — И что?

— А то, что минувшую ночь этот гад с твоей любезной сердцу подружкой провели вместе! Представляешь?!

Нет! Она не представляла! И этого не могло быть в принципе, потому что...

Да потому что еще вчера вечером Ромка был рядом с ней счастлив. Казался, во всяком случае, таким. И намеки какие-то делал про их дальнейшее совместное проживание в доме ее бабушки. Что-то там про то, что дому просто необходимы мужские руки. Крышу там починить, к примеру. Или огород вскопать.

Крыша была новехонькой и за версту блестела свеженькой оцинковкой. Огородом сотни лет никто не занимался, он давно зарос пестрыми мальвами, и, кажется, от этого никто не страдал. Но...

Но спорить с Ромкой Александра не стала, слушала его во все уши и наслаждалась, наслаждалась, как последняя дура.

И вот теперь вдруг обнаруживается, что он вместе с Катькой провел ночь?! Этого же не может быть! Этого не могло быть в принципе, ведь они давно расстались! Они давно все друг для друга решили. Поняли, что совершенно чужие. Поняли все! И про ценности, которые у них разные. И про принципы, которые никак не хотели родниться. И про цели в жизни тоже все поняли. Приняли решение и расстались! Чего же теперь?!

— Ксюша, а ты ничего не путаешь, а? — осторожно поинтересовалась Александра, плотнее укутываясь в толстенную простыню, с чего-то вдруг ее начало легонько поколачивать. — Как они могли провести вместе ночь и главное — где? У Катьки мать с сестрой вернулись вчера из санатория. А Ромка...

Ромка был фактически бездомным. Беженцем. Откуда, точно она не знала, да и не интересовалась особо. Катька всякий раз, рассказывая про него, называла то Казахстан, то Башкирию, то Дальний Восток. Суть не в этом. Суть заключалась в том, что Ромка как по приезде снял ветхий угол на окраине у одной сварливой бабки, так там до сего времени и проживал. Водить в этот угол всякий сброд — подразумевались девушки, женщины и друзья — бабка ему категорически запретила. С Катькой они встречались в основном на ее квартире, которую та

делила с матерью и больной сестрой, и то все больше в их отсутствие.

— Господи! Ну, когда ты наконец станешь взрослой, Саша?! — завопила ей в самое ухо Ксюша. — Ты считаешь, что проводить ночь возможно лишь в постели на шелковых простынях, да?!

Ну, не совсем так, но крыша над головой, по ее разумению, должна была присутствовать.

— На даче они! — рыкнула напоследок обессиленная от ее тупоумия Ксюша.

— На даче? На какой даче? — Александра растерянно заморгала, силясь припомнить, когда это Катька или Рома успели обзавестись дачей, но не вспомнила... — На какой даче? У них же не было никакой дачи.

— Купила! Купила твоя Катька дачу недели две назад. Так, не дача, а одно название. Курятник какой-то ветхий. Но для такого нужного дела, как свидание, подойдет легко. Короче, записывай. — Последовала короткая пауза, очевидно, отведенная ей для того, чтобы она вооружилась авторучкой и листом бумаги, а потом дотошная соседка проговорила: — Двадцать пятая дорожка. Номер дачи восемьсот двадцать четыре. Там еще загородка такая высокая, хоть и прогнившая, но очень высокая. Калитка открывается, если ее чуть приподнять. Добираться, знаешь, как туда?

— Нет.

Александра замотала в отчаянии головой.

Ей очень не хотелось верить. Очень!

Хотелось отключить телефон, снова забраться под бабушкину цыганскую перину, зарыться носом в подушку и продолжить прерванный сон про что-то хорошее.

Еще хотелось возразить Ксюше, заявить, что Катька не могла не сказать ей про свою недавнюю покупку. Они же виделись буквально пару дней назад. И еще хотелось сообщить, что адрес виртуальной Катькиной дачи ей совсем-совсем не нужен.

Не думает же Ксюша, в самом деле, что она поедет туда! С какой, спрашивается, целью?!

— С такой, чтобы застать этих мерзавцев и убедиться наконец, что тебя очень виртуозно водят за нос! — пояснила Ксюша даже без ее вопросов, будто мысли ее прочла. — Сколько же можно пребывать в неведении?! Ты с ней прямо вся такая... любезная!

Вот здесь Ксюша привирала откровенно.

С Катькой Александра не была любезной. Она ее любила всей душой. Она ее просто обожала, как сестру родную. Хотя у нее никогда не было ни брата, ни сестры, ей почему-то всегда казалось, что обожают их именно так.

Любила, обожала, старалась походить на нее, копировать манеры, привычки, а иногда в минуты острого черного отчаяния она ей немножечко завидовала.

Чему завидовала?

Да всему, господи! Там было чему завидовать, поверьте.

Катька... Загорская Катерина Степановна...

Двадцати трех лет от роду. С блеском закончившая школу. Потом с таким же сиянием и шиком закончившая местный институт и получившая диплом не какого-нибудь там бухгалтера, а гида-переводчика.

Красивая. Неприлично красивая. Ну, просто по киношному и книжному. И все-то в ней было безу-

пречным и отточенным. Никакой наигранности и фальши. Плачет так плачет. Смеется так смеется. Безо всяких чувств смотрит на тебя и то эффектно. Просто рот открывай и любуйся ею. Александра и любовалась. И потакала, и нянчилась, и прощала...

— Слушай, Ксюша. — Александра зажмурила глаза и в который раз пожалела, что выбралась из темной спальни на белый свет, лежала бы сейчас и лежала под периной, и поплакать можно было бы беспрепятственно, и погоревать, не вставая. — А ты ничего не путаешь? С чего ты вдруг решила, что они на этой самой даче? Ты же не следила за ними, в самом деле! И опять же...

Та не дала ей договорить. Хмыкнула в трубку со значением и тут же поспешно возмутилась:

— Еще чего, следить я за ними стану! Очень нужно!!! Просто моя личная дача следующая по этой дорожке. То есть мой домик следующий и номер на нем какой?

— Какой? — глупо переспросила Александра.

— Правильно! Восемьсот двадцать шестой, моя дорогая. Я вчера малину обирала, потом картошку опрыскивала от жуков, одолели совершенно. Во сколько же точно это было...

Ксюша была заядлой огородницей, состояла даже, кажется, в каком-то городском сообществе и всячески науськивала Александру на то, чтобы та вскопала наконец свой огород и влилась в их тесные сплоченные землепашеством ряды. Убеждала, что это крайне интересное занятие, совершенно не оставляющее свободного времени, которого ей — Александре — девать абсолютно некуда. Разве только на непутевые занятия.

— Так вот, ноги уже споласкивала в бочке с водой, когда машина подъехала.

— Машина? Какая машина?

У Александры в голове уже планомерно перемешивались грядки с картофельной ботвой, изъеденной колорадскими жуками, ведерки с малиной, номера домов с калитками, которые непременно нужно приподнимать, чтобы пробраться на территорию, огороженную ветхим, но высоким забором, а тут еще и машина какая-то.

— Ромкина машина, какая же еще! Нет, ну ты вообще, Санечка! — кажется, Ксюша даже обиделась.

— Но... Но у Ромки нет никакой машины, Ксюш! Нет, и не было! Он же... — На языке противно вертелось слово «нищий», но она нашла ему приемлемую замену: — Он не настолько обеспечен, чтобы позволить себе автомобиль.

— Уж не знаю, насколько он там у тебя обеспечен или нет, но за рулем был именно он, поверь.

И она поверила!

— Катька выбралась следом почему-то с заднего сиденья. И кажется, нервничала.

— Почему нервничала? — Внутри тоненько запыло, и она наконец-то поняла, что все это правда и что Ксюша совсем не врет, а говорит чистую, откровенную, обнаженную правду.

— А я знаю? Оглядывалась все время и губку нижнюю все закусывала. Ну, ты знаешь, как она это умеет.

Александра знала и сотню раз пыталась скопировать эту неподражаемо прелестную привычку своей лучшей подружки. Простаивала перед зеркалом часами, терзая крепкими зубами свою бледно-

розовую плоть. То с одной стороны закусит, то с другой, то посередине.

Не получалось, хоть ты тресни! Ее личный рот совершенно не хотел капризно выгибаться, и прикушенные губы потом долго болели и шелушились.

— Потом о чем-то переговорила с Романом твоим и нырь в калитку. Он следом. Ну, а я... — Ксюша неожиданно замялась.

— А ты что?

И в самом деле, что она? Поспешила уйти, начала подслушивать или подглядывать, а может, в гости напросилась? Они же были знакомы, почему бы не зайти, раз увидела.

— Ну, а... это... Ноги ополоснула, вытерла, обулась и подошла к своему забору. Он как раз к стенке ее дома примыкает. Я вовсе не хотела подслушивать, поверь!

Не поверила. Хотела и подслушивала, дураку ясно.

— И что там? — Александра зажмурилась покрепче, пытаясь удержать проклятые слезы, начинавшие красться из глаз.

— А там стоны, ахи, скрип, дальше ты знаешь, не маленькая же, Сань! Что ты в самом деле?! И вот я уехала потом, а они все там были. Машина, говорят, и сейчас там стоит.

— Кто говорит? — ахнула Александра, моментально представившая себе ночное Ксюшино бдение возле машины, на которой приехала на дачу ее подруга и любимый.

— Так моя соседка ночевала на даче, утром на работу поехала прямо оттуда. Она и сказала, что растопырились посреди дороги, пришлось объезжать по другой дорожке. Так вот...

Ксюша ненадолго замолчала, мелко и часто дыша. Александра почти не дышала, так ей казалось. Сидела, погруженная в темноту, и представляла, представляла, представляла.

Как Ромка кроет крышу бабушкиного дома. Как копает ее заросший мальвами огород и разбивает потом на нем грядки. Она лично ради такого случая даже в треклятое общество огородников вступит и огурцы научится солить впрок, если они уродятся, лишь бы...

Лишь бы все это было неправдой! Лишь бы Ксюша взяла вдруг и ошиблась.

— Поезжай туда сейчас и посмотри! — вдруг скомандовала та ей.

— Куда?! Зачем?!

Александра моментально сжалась в маленький тугой комок, зарывшись по самый нос в мохнатую цветастую ткань.

Никуда она не поедет! Нет ее здесь! Она спряталась!

Так обычно она поступала в своем счастливом избалованном детстве, когда бабушка заставляла ее что-нибудь делать. Помогало раньше. Бабушка ее искала, упорно обходя накрытую с головой Александру стороной. Притворно ахала, всплескивала руками, искала, не находила, разумеется, и отступала.

Ксюша не была ее бабушкой, она страдала психологической настойчивостью и снова скомандовала ей:

— Поезжай и накрой с поличным этих голубков! А то они у тебя вечно все в шоколаде, а я... Я для тебя пустое место!

Разговор закончился в этом месте. Ксюша отби-

лась. А Александра упала, как сидела — комочком, — на диван и расплакалась.

Никуда она не поедет. Да и зачем? Чтобы в очередной раз убедиться в том, что Катька снова сделала с ней это? Противно. Как же противно! Нет, ну ладно Катька. А Ромка? Совсем с катушек спрыгнул? Он же плевался именем Катерина, и кулаком себя в грудь стучал, и зарекался, и проклинал. А теперь что же получается? И откуда, скажите на милость, у этих двоих вдруг появились деньги на приобретение дачи, машины, а?!

Нет, ехать все же придется. Совсем не за тем, чтобы накрывать их с поличным, как рекомендовала ей Ксюша. А хотя бы за тем, чтобы убедиться в том, что все это неправда. А?! А что?! Классная идея!

Именно эта идея и подхлестнула ее березовым прутом. И заставила подскочить с дивана и замататься по бабушкиному дому в поисках расчески, джинсов, футболки и носочков в кроссовки. Собралась минуты за три, успев и всплакнуть на дорожку, и увидеть себя в зеркало — некрасивую, и в сторону телефонного аппарата плюнуть — надо же было утру так начаться.

Почти бегом припустила на остановку, с которой можно было добраться до дачного поселка, и вот стоит теперь и слушает беззаботную болтовню работниц жэка, пропалывающих цветы на клумбе. Слушает и чуточку им завидует.

У них наверняка нет подобных проблем. У них наверняка самая близкая, самая любимая подруга не уводила любимого мужчину прямо из-под носа. Причем того самого любимого, которым почти пол-

года назад пренебрегла, послав его ко всем чертям, и даже куда-то дальше.

А может, и не уводила Катька ее Романа никуда? Может, все это пустые сплетни и не нужные никому домыслы. Разве что Ксюшке одной и нужные. Вот приедет и убедится, что это неправда. И уж тогда...

Дорога от остановки до нужной ей развилки на двадцать пятую дорожку пролегла по частному сектору. Чистенькие домики, ухоженные палисадники с буйством лиловых флоксов и тигровых лилий. Аккуратные, выложенные плиточками, брусочками дорожки к верандам и террасам.

Все как у людей! Все по-людски, как сказала бы бабушка.

А у нее одни мальвы в огороде и господствуют, соревнуясь в росте и многоцветье друг с другом. Заросли такие, что к задней калитке, за которой почти сразу река, не пробраться.

Александра машинально зацепила пальцами пучок травы и тут же крепко сжала.

Вот если Ксюша наврала ей или ошиблась, она обязательно наведет порядок в огороде. Конечно, с вступлением в общество садоводов-огородников она немного повременит, но порядок наведет непременно. Выдернет все мальвы, вскопает вольно пробездельничавшую за ее бездельем землю. Разобьет грядки и насажает чего-нибудь. Сейчас, может, уже и поздновато заниматься грядками, а вот по весне. По весне непременно займется огородом. Лишь бы Ксюша обозналась.

Двадцать пятая дорожка виляла между заборов из кроватных сеток, вдрызг проржавевших листов железа, новеньких частоколов и натянутой колю-